

ВСТУПЛЕНИЕ

Публикации письменного наследия представителей Дома Романовых, предпринятые в России за последние 25 лет, отражают растущий интерес российской общественности к истории Родины и, в частности, стремление получить объективное представление о роли Романовых, свободное от идеологических клише советского периода.

Большое внимание уделяется семье императора Николая II, и вниманию читателя предлагаются дневниковые записи великой княжны Ольги Николаевны, старшей дочери Николая Александровича и Александры Федоровны, за 1914 г., дополненные письмами и комментариями. Важность этой работы несомненна: Ольга Николаевна, первенец императорской четы, была особенно близка к императору¹, была свидетельницей важнейших исторических событий в решающий для России 1914 год, и ее дневник является ценным историческим источником.

Для меня эта книга имеет особое значение, потому что великая княжна Ольга Николаевна и моя прабабушка великая княгиня Ольга Александровна – ее тетья и крестная – были особенно близки.

¹ Текст дневника великой княжны Ольги Николаевны за 1914 год, письма и фотографии публикуются по материалам Государственного архива РФ (ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 5. Л. 40 об. – 118 об.; Д. 6. Л. 1–23; Ф. 640. Оп. 3. Д. 25. Л. 41. № 590. Л. 43. № 612. Л. 46 об. № 684. Л. 61. № 885; Ф. 662. Оп. 1. Д. 190. Л. 35; Ф. 673. Оп. 1. Д. 203. Л. 10 об. № 159, Л. 11. № 169. Л. 11 об. № 190. Л. 18. № 300, Л. 24. № 399; Д. 204. Л. 6. № 120. Л. 8. № 156. Л. 10. № 189. Л. 10 об. № 197; Ф. 683. Оп. 1. Д. 116. Л. 21. № 409; Ф. 685. Оп. 1. Д. 188. Л. 31. № 251).

Ольга Александровна рассказывала, что у ее племянниц не было друзей детства, но им вполне хватало друг друга. Она чувствовала, что они были ужасно рады, когда она приходила к ним и вносила некоторое разнообразие в их повседневную жизнь. Она часто навещала их в Царском Селе. С 1910 г. эти визиты стали регулярными – каждую субботу. Это сблизило ее с братом, императором Николаем II и невесткой, императрицей Александрой Федоровной. Ольга Александровна отдала пятерым малышам всю свою любовь и заслужила их любовь и доверие.

Разница в возрасте между Ольгой Николаевной и Ольгой Александровной была 13 лет, меньше, чем между Ольгой Александровной и Николаем Александровичем, у них она была 14 лет. Это их очень забавляло, и Николай Александрович любил называть Ольгу Александровну «моей старшей дочерью», когда он выезжал из дома с пятью девочками. Императрице Александре Федоровне редко удавалось присоединиться к ним, и тогда посылали за Ольгой Александровной. «Кто-то должен был проследить за тем, чтобы дети не баловались, вставали, когда нужно, и здоровались с людьми как полагается, не говоря уже о массе других вещей. В конечном итоге уже считалось само собой разумеющимся, что я всегда должна сопровождать их, куда бы они ни направлялись», – рассказывала Ольга Александровна.

Две Ольги были очень близки, вели душевные беседы, делились секретами, а в разлуке писали друг другу письма.

«Я очень любила всех детей моего брата, но особенно старшую из них – Ольгу. У нас были родственные души. Она походила на меня характером, и, вероятно, именно поэтому мы хорошо понимали друг друга. Часто случалось так, что я могла сказать ей, о чем она думает в тот или иной момент, и это застигало ее врасплох. “Откуда ты это знаешь?” – спрашивала она меня, заливаясь румянцем. – Тогда я начинала хохотать, говоря ей, что она думала ровно так же, как и я, потому-то я и смогла прочесть ее мысли», – объяснила Ольга Александровна.

Когда Ольга Николаевна испытывала эмоциональные переживания, ей очень хотелось поговорить с тетей Ольгой лично, а когда

это было невозможно, она отправляла ей письмо: «Я хочу поговорить с тобой по душам...» «Люблю тебя искренне и всем сердцем, любящая тебя, крестница Ольга».

Приветствую представленный в книге образ великой княжны – подлинной христианки, умной, чуткой молодой женщины, которая горячо любила Родину и была бесконечно предана своей семье.

Подход авторов-составителей отличают взвешенный анализ, скорее историческое, чем житийное описание, множество прекрасных тонких наблюдений, а их намерение воссоздать реальный образ великой княжны Ольги Николаевны вызывает уважение и интерес.

*Павел Эдвардович Куликовский,
правнук великой княгини Ольги Александровны,
внучатый племянник великой княжны Ольги Николаевны*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ольга Николаевна Романова — старшая из четырех дочерей последнего русского царя, сестра милосердия, красивая девушка, зверски убитая в 1918 г. Что о ней известно, кроме этих нескольких характеристик? Об императоре Николае II и его семье написано много. Научные публикации о его царствовании, личные документы последнего царя и видных деятелей семейства Романовых, мемуары свидетелей эпохи, исследования вопроса о подлинности екатеринбургских останков соседствуют на полках книжных магазинов с публикациями, рассчитанными на более широкую публику, а также с книгами житийного характера.

После канонизации царской семьи на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви 2000 г. многие авторы подходили к описанию жизни императора Николая II и императрицы Александры Федоровны именно с православной точки зрения, размышляя об особенностях их подвига страстотерпцев. Ведь житийное описание жизненного пути святых не совпадает с историческим: в житии автор старается выделять то, что христианину полезно запомнить для его собственного духовного роста, то, чем именно данный святой прославился и что достойно подражания. В такой литературе часто делается акцент на семейных качествах русского царя, подчеркиваются любовь и взаимопонимание, царившие в царской семье. Писатели охотно заостряют внимание читателей и на любви детей к своим родителям, на тесной дружбе четырех очаровательных сестер, великих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. В результате в сознании и верующих, и неверующих утвердился прекрасный образ цветущих внешней и духовной красотой девушек, убитых на заре жизни.

Но о каждой из дочерей царской четы именно с исторической, а не с житийной позиции пока написано немного. Книга английской писательницы Х. Раппапорт «Дневники княжон»¹ сосредоточена на четырех сестрах — «Four sisters», именно так названо оригинальное издание. То же самое можно сказать о книге «Царские дети», составленной Н. Бонецкой², которая относится к апологетической литературе. Поэтическая же брошюра П. В. Савченко об Ольге Николаевне³ содержит немало легенд и не может служить биографией. Писательница Ирина Ордынская в своей книге «Святая царская семья»⁴ предлагает пространные очерки о каждом из членов семьи Николая Александровича.

Данным изданием мы хотели бы положить начало исследованию жизни великих княжон. Для того чтобы представить старшую дочь Николая II и Александры Федоровны, необходимо обратиться не только к широко известным воспоминаниям их приближенных, но и к ее собственному небольшому документальному наследию, а именно к письмам и личным записным книжкам, предлагая вниманию читателей не только избранные выдержки из документов, но их полную версию.

До сих не было предпринято полного издания дневников последних великих княжон. Пространные выдержки из дневников содержатся в работе Н. К. Зверевой «Августейшие сестры милосердия»⁵. Это, по сути, первая существенная публикация дневников и писем великих княжон на русском языке. Существуют два издания дневника Ольги Николаевны за 1913 г. в переводе на английский язык⁶.

¹ Раппапорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. М.: Эксмо, 2015.

² Бонецкая Н. К. Царские дети. М.: Сретенский монастырь, 2015.

³ Савченко П. Русская девушка. Светлой памяти Царственной Мученицы Великой Княжны Ольги Николаевны (1895–1918). М.: Ковчег, 2001.

⁴ Ордынская И. Святая Царская Семья. М.: Молодая гвардия, 2022.

⁵ Августейшие сестры милосердия / сост. Н. К. Зверева. М.: Вече, 2006. (Царский Дом).

⁶ The Diary of Grand Duchess Olga Nicholaevna 1913. Ed. Raegan Baker. Gilbert's Royal Books, 2008; Journal of a Russian Grand Duchess: Complete

Большая часть из сохранившихся документов старшей дочери Николая II великой княжны Ольги Николаевны (3(15) ноября 1895 – 17 июля 1918) хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации, прежде всего в личном фонде великой княжны (Ф. 673), в котором содержатся документы за 1895–1917 гг. Отдельные документы, в основном письма великой княжны, в том числе за 1918 г., можно найти в других личных фондах архива (например, августейших родителей Ольги Николаевны). Ее личный фонд состоит из официальных документов, счетов, писем, ученических тетрадей, документов, имеющих отношение к подшефному полку и к учреждениям, во главе которых номинально стояла великая княжна. Там же хранятся дневники, которые она вела с 1905 до начала 1917 г.¹ Несколько дневниковых тетрадей в фонде отсутствуют.

Ведение дневника в царской семье

В царской семье ведение дневника считалось обязательным упражнением, своего рода дисциплиной, «нравственной гигиеной». Точно таким же было отношение во всем образованном обществе. Ведение дневника для западного католического и протестантского мира, откуда эта практика берет свое начало, было изначально частью духовной жизни, призванной способствовать духовному совершенствованию человека. В более светской перспективе дневник позволял подвести итоги дня, выделить основные события в нем, сохранить память о том, что было². В разговоре с флигель-адъютантом А. А. Мордвиновым императрица Алек-

Annotated 1913 Diary of Olga Romanov, Eldest Daughter of the Last Tsar. Ed. Helen Azar, 2015.

¹ По тому, что страницы последнего дневника вырваны, можно предположить, что Ольга продолжала вести дневник и после революции. До каких пор она вела дневник, кем и когда вырваны страницы, не выяснено.

² См.: *Венявкин И.* Что такое дневник и как он менялся: аудиолекции [Электронный ресурс]. URL: <http://arzamas.academy/courses/81/1> (дата обращения 04.08.2022).

сандра Федоровна изложила свои мысли о необходимости ведения дневника: «Вы должны писать непременно дневник — всякий человек обязан это делать, и делать искренне, помня, что это полезно и необходимо не только для себя, но и для других, и помогает не только памяти, но и правде»¹.

Открывая для себя дневники членов императорской фамилии, будь то дневники царя Николая, императрицы Марии Федоровны или великого князя Михаила Александровича, современные читатели порой испытывают разочарование: вместо глубокого размышления о политике, вместо личных переживаний — череда чаепитий, прогулок и заметок о погоде. На некоторых современных интернет-форумах и блогах можно читать весьма резкие характеристики разочарованной аудитории об умственных способностях венценосных особ. Другие же готовы подозревать подмену, подлог: мол, царь так писать не мог. Подобное недоразумение происходит от непонимания характера этих документов.

В общепринятом понятии слово «дневник» обозначают разные типы личных записей. Среди них условно обозначим собственно дневник, ежедневник и памятную книжку. Дневник — тетрадь, в которой автор либо изо дня в день, либо более редко фиксирует в свободной форме не только события, но и свои мысли. Такой дневник вел великий князь Константин Константинович; дневники царя Александра III можно тоже отнести к этому жанру, равно как и очень эмоциональные и содержательные дневники его дочери Ксении.

Некоторые авторы пользуются дневником для анализа своего «я», размышляя о своих успехах и провалах. Испытав свою совесть, они записывают свои грехи — так поступал, как некогда граф Лев Толстой, юный князь императорской крови Олег Константинович. В ежедневнике, напротив, автор перечисляет в сокращенной форме только последовательность событий в целях распределения своего времени, а заодно сохранения памяти. Такая форма дневника не предполагает эмоциональных комментариев.

¹ *Мордвинов А. А.* Из пережитого. Воспоминания флигель-адъютанта императора Николая II: в 2 т. М.: Кучково поле, 2014. Т. 1. С. 15.

Дневники царицы Александры Федоровны в большей степени относятся к такому жанру. В памятной книжке кратко излагаются события и настроения, но без анализа. В ней заранее напечатаны даты, место ограничено. Дневники большинства Романовых — это в основном памятные книжки. Именно в такой форме писали император Николай Александрович, его мать и его брат и, вслед за ними, его дочери.

Памятные книги, специально изданные для императорской семьи, были небольшого формата. На каждой странице были уже напечатаны дата, имена празднуемых святых, имена членов правящей династии, отмечающих свой день рождения или тезоименитства. Таким образом, для каждодневной записи было отведено довольно мало места, что накладывало отпечаток на стиль и на содержание записи. По слову императора Николая II, «это научает ясно и кратко выражать свои мысли»¹ — еще одна причина, по которой царские дети должны были вести дневник.

К ведению записей приучали примерно с девятилетнего возраста. Ребенок должен был заполнять страницу памятной книжки перед сном². Надо сказать, что поначалу это упражнение не всегда легко давалось. В дневниках Ольги Николаевны можно найти запись, сделанную нервным крупным почерком: «Не знаю, что писать!!!»³ Записи ее ранних дневников редко содержат более 2–3 предложений. В дневнике 1908 г. целые месяцы не заполнены, а дневник 1909 г. заканчивается на мае⁴. Судя по однотипности записей в дневниках членов царской фамилии, можно предположить, что для того, чтобы помочь ребенку освоить навык ежедневных записей, ему давался план. Он должен был указывать, были ли уроки, был ли в церкви, с кем завтракал, пил чай и обедал, куда

¹ Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917. М.: Центрархив, 1926. С. 23.

² На это указывают такие короткие предложения, как «сейчас идем спать» (записи 7 и 8 мая 1915 г.), «Папа́ еще у Бабушки» и прочее, время от времени появляющиеся в дневниках.

³ Дневник 1909 г., 23 и 24 марта. ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

⁴ ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 10 и 11.

ходили гулять, были ли иные интересные события, какая была погода, иногда место после очередного переезда. Все дети в царской семье следовали этому плану, так же, как Николай II.

Почему был выбран именно такой формат? Члены царской семьи прекрасно осознавали, что они не простые смертные и что их дневники рано или поздно могут стать достоянием общественности. Обратившись к дневникам молодого цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III, обнаружим, что он многое доверял дневнику: его записи эмоциональны, они содержат оценки политических событий и государственных деятелей, иногда описываются очень личные переживания и жизненные эпизоды. При этом первое время записанное в дневнике цесаревич ежедневно давал на прочтение своему другу князю В. П. Мещерскому, по совету которого, собственно, и начал вести подробный «журнал», чтобы совершенствовать характер и учиться изложению мыслей¹.

29 июня 1868 г. Александр Александрович писал, начиная новую книгу дневника: «Вот уже 5-ю книгу, которую я начинаю, и дай Бог, чтобы в ней было столько же отрадного, как в последней. Хотел бы иногда писать еще обширнее, в особенности мои впечатления, мысли, желания, но решительно иногда нет вре-

¹ «Дорогой Александр Александрович! — написал князь Мещерский 29 мая 1865 г. на одной из первых чистых страниц книги для ведения дневника, которую он подарил цесаревичу. — Писать журнал значит поверять себя: для этой проверки нужны факты и Ваше воззрение на каждый из них. Вначале от непривычки будет трудно, потом писать свой журнал станет потребностью насущного дня. Но чтобы это дело шло удачно, необходимы 2 условия: 1) писать без примеси авторского самолюбия, как писать хочется, а не так, как велит ум под влиянием разных соображений, светских и модных; 2) писать не более 1/2 часа в день, дабы не тратить время и слова и не давать возможности журналу обращаться в писания, которые чем становятся длиннее и многочисленнее, тем менее позволяют высказываться просто, естественно и коротко. В заключение повторяю вчерашнюю мою просьбу: позволяйте мне читать Ваш журнал, не из любопытства, но из теплого к вам участия: Ваши мысли, Ваши впечатления будут служить пищею для моего журнала, который в свою очередь Вы можете читать, когда Вам угодно!» (ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 298. Л. 2.)

мени, а кроме того, мало кого оно будет интересовать. При моей жизни я никому не покажу, кроме жене, а после смерти, я уверен, никто не заинтересуется посмотреть в эти книги. Итак, с Богом — вперед!»¹ Но незадолго до своего воцарения Александр Александрович, очевидно, пересматривает свою точку зрения и перестает вести дневник. Некоторое время спустя после восшествия на престол он возвращается к ведению дневника, но уже в виде кратких записей. Николай II продолжил эту традицию, и его дневник предельно сдержан по сравнению с ранними дневниками отца.

Отметим, что государь поддерживал исторические изыскания об Александре I и императрице Елизавете Алексеевне с использованием их личных документов. Изданная великим князем Николаем Михайловичем книга о Елизавете Алексеевне читалась в императорской семье, например в семье Константиновичей. Кроме того, известно, что Александра Федоровна читала дневники и письма своей предшественницы и тезки, жены Николая I. Таким образом, члены царской фамилии прекрасно понимали, что их «личные бумаги» довольно скоро станут достоянием общества, что не могло не отразиться на их содержании. По той же причине — дневники могут стать материалом для историков — литературно написанные дневники великого князя Константина не должны были, по предусмотрительному завещанию автора, быть обнародованы ранее, чем через 90 лет после его смерти.

В конце концов, живя во дворце, среди множества людей и множества интриг, члены царской семьи могли опасаться, что их дневники прочтут. Возможно, поэтому для осторожной передачи самого сокровенного с 1913 г. Ольга Николаевна прибегает к простому буквенному шифру, очевидно, придуманному самостоятельно, которым она будет пользоваться несколько лет. В фондах царской семьи встречаются порой записки, составленные с использованием других шифров Ольгой или ее сестрами.

Вероятно, подобный способ сокрытия своих записей был достаточно популярен в семье. Характерно, что в скрытых

¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 302. Л. 2 об.

и сдержанных дневниках Ольги Николаевны и ее сестры Татьяны передача событий начала военного времени сопровождается довольно эмоциональными и крепкими словами: «сволочи», «поганые австрийцы», «собаки»... Подобные выражения очень редки в дневниках княжон. Не потому ли княжны на страницах своих дневников стали смелее в выражениях, что война объединила всех в одном патриотическом порыве, который скрывать не было причины?

По вышеизложенным причинам современному читателю дневники великих княжон на первый взгляд покажутся сухими и малоинтересными. Их записи — это вовсе не изливание интересных мыслей и душевных переживаний. Многие события, которые читатель, возможно, хотел бы прояснить, попросту опущены или занимают всего одну загадочную строку. В дневнике за 1914 г., например, Ольга Николаевна ни слова не пишет о своей предполагаемой помолвке с румынским принцем. При этом известно, что этот вопрос ее беспокоил и что она обсуждала его.

Нередко понять, что стоит за краткой, на первый взгляд ясной заметкой, можно лишь по прочтении другого материала. Приведем пример из дневника царя, имеющий отношение к Ольге Николаевне. 28 января 1916 г. император пишет в дневнике: «Т. Михен [великая княгиня Мария Павловна Старшая] завтракала. Когда остались с ней втроем, она долго говорила о Борисе!» И только письмо Александры Федоровны того же дня проливает свет на этот эпизод: речь шла о возможности выдать замуж старшую дочь царя за великого князя Бориса Владимировича.

Наконец, пространство записей Ольги Николаевны, к разочарованию читателя, занято больше всего мелкими событиями дня или длинным перечнем (что вообще характерно для дневников членов царской семьи): списки убитых на охоте животных, присутствующих за столом офицеров, перевязанных раненых... Отчасти именно эти списки заставили некоторых историков усомниться в подлинности поздних дневников последнего царя и предположить, что фальсификаторы переписывали камер-фурьерский журнал. Но эта черта встречается в дневниках других чле-

нов его семьи – дочерей, брата... и не является убедительным аргументом.

Итак, дневники опускают многое, дневники недоговаривают, дневники заполнены сугубо фактологической информацией безо всякой окраски. И все же дневники членов царской семьи не лишены индивидуальности и эмоций. Внимательный читатель оригинала дневника обнаружит, что почерк великой княжны Ольги много говорит о ее эмоциональном состоянии. В скучный обычный день почерк ровный, легко читаемый. После бала или веселого дня, проведенного в играх с друзьями, особенно с любимыми офицерами, почерк скачет, становится неровным, неразборчивым. То, что словами нельзя выразить, передается с помощью пунктуации, подчеркиваний, оформления. А именно мелкие неинтересные события создают ощущение живой повседневности, раскрывая, что подлинно составляло интерес молодых девушек: мимолетная встреча с другом, например, или перевязка множества раненых, память о которых надо непременно сохранить. В конце концов, не является ли именно эта скупость записей, лишенных литературной формы и психологического анализа, лучшим отражением образа великой княжны? В фактах, в выборе этих фактов, в кратких оценках некоторых из них вырисовывается личность Ольги Николаевны, какой она была, а не какой она, возможно, хотела бы казаться.

Заметим, наконец, что дневники перечитывались. Николай II несколько раз упоминает в дневниках о том, что он перечитывал ранние тетради. Таких упоминаний нет в дневниках его дочерей, но об этом говорят позже прибавленные заметки над конкретными записями и густо зачеркнутые места в дневнике Ольги. Судя по этим заметкам, можно осторожно предположить, что, перечитывая дневники, великая княжна хотела разобраться в собственных чувствах и их развитии или возвращалась к определенным счастливым моментам своей жизни.

К слову сказать, само понятие «памятная книжка» предполагает, что заполняющий ее хочет одновременно сохранить память о событии и иметь возможность к нему вернуться. Для того чтобы снова возникали перед его взором образы минувших

лет, достаточно упоминания о них, о настроении того дня. Если слово «хорошо» или «грустно», простое упоминание человека или события мало что говорит стороннему читателю, то перед великой княжной, перечитывавшей свои старые дневники, воскресала целая палитра чувств, все многогранные оттенки важных и мелких моментов, нам не доступных. Чем меньше дневниковая запись, тем больший смысловой и эмоциональный вес имеет каждое слово.

Устраивало ли великую княжну такое ведение дневника – сконструированные форматом скудные записи по заведомому плану? Обнаруженные в ее фонде записи дневникового характера за 1912 г. позволяют осторожно в этом усомниться¹. Эти немногочисленные записи (видимо, часть их утрачена) сделаны на бумаге для писем или на пустых листках. Они дополняют рассказ обычного дневника, более эмоциональны, сфокусированы на том, что действительно интересовало княжну: в них можно найти рассказ о получении Н. П. Саблиным звания флигель-адъютанта, подробный ежедневный отчет об охотничьих выездах, рассказ о не вполне удавшейся экскурсии в ее день рождения (эпизод опущен в дневнике), эмоциональные сообщения о прослушивании песен и многое другое. В них великая княжна не пишет о застольях, ничего не сообщает об уроках; записи могут быть такими же короткими, как и дневниковые, либо вдвое длиннее.

Сейчас трудно сказать, чем были эти записи. Своего рода «альтернативным дневником», нарочно написанным на отдельных листах, чтобы не привлечь внимания? Или заготовкой для будущего письма или сочинения? Во всяком случае, они позволяют взглянуть по-новому на вынужденную «скудность» обычных дневников и на саму великую княжну Ольгу, которая все же могла иметь, как многие юные девушки, потребность в эмоциональном выражении своих чувств. Возможно, поэтому с 1913 г. великая княжна отказалась от памятных книжек и писала дневник в больших тетрадах, сохраняя тем не менее заведенный план.

¹ ГА РФ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 223.

«Штандарт»¹. Севастополь. Четверг. 27 марта

На нескольких станциях выходили гулять. Солнце, тепло и ветрено. 16 гр. в тени. Утр[ом] с Мама́ сидели. Днем с Багратионом в карты играли. Мама́ тоже пришла. Первое путешествие, что у нее сердце не увеличено, и Слава Богу. Хорошо. Деревья листьями зеленеют. Миндали и т. д. в цвету. Завтрак со всеми. Чай тоже и с Мама́. В 6 ½ или позже пришли в Севастополь. П[очетный] караул, люди, Юзик с встречей. Напомнило милого Ш[урика]. Так долго не увидимся. Хорошо очень быть на яхте снова. Довольно странно, но не могу сказать, чтобы очень грустно, привыкла уже, что С[олнышка] нет. В 8 ч. была молитва. После обеда сидела на палубе с Мама́ и Н[иколаем] П[авловичем]. 12 гр. ½ Сильный южный ветер. Папа́ с командиром, Серг[еем] Вас[ильевичем]² и Невяровским³ в кости. У нас новый офицер барон Таубе⁴. Спаси всех Господи. После 11 ½ спать.

¹ Императорская яхта «Штандарт» строилась на верфи Копенгагена (Дания) и была спущена на воду в 1895 г. На «Штандарте» находились покои членов императорской семье, столовая для официальных приемов, рабочий кабинет и приемная императора, салон и помещения для офицеров яхты и персонала. В 1917 г. яхта была переименована в «18 марта» (в память о первом дне Парижской коммуны). В 1933–1936 гг. переоборудована в минный заградитель и включена в состав Краснознаменного Балтийского флота, в 1950-х гг. использовалась как плавказарма «Ока», а в 1961 г. — как плавучая мишень для ракетных стрельб, после чего разобрана на металл.

² С. В. Злебов.

³ Невяровский Станислав Романович (1879–1934), капитан 2-го ранга (1913), инженер-механик. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Во время революции был в командировке в Британии, в Россию не вернулся. В эмиграции жил во Франции, умер в Париже.

⁴ Таубе Георгий Николаевич (1890–1975), барон, лейтенант Гвардейского экипажа (1915). Служил на императорских яхтах, на яхте «Штандарт» с марта 1914 г. Участник Первой мировой войны. В эмиграции жил в США, состоял в эмигрантских офицерских собраниях. Автор воспоминаний о действиях Гвардейского экипажа во время Первой мировой войны.

Пятница. 28 марта

Папа́ ездил на смотр молодых матросов, а днем молодых солдат. Завтрак был со всеми адмиралами. Утр[ом] у Мама́ сидела, она мне читала «The Heir of Radclyffe»¹. Заснула после 4 ч. но свежа и весела. Выглядывали на Н[иколая] П[авловича] из полу-портика. В 3 ч. Мама́ принимала 4 морских дам. Маньковецкую, Покровскую, кн[ягиню] Путятину и Погуляеву. После чая ничего не делала особенного. Читала, рисовала и смотрела, как мальчики играли у телеграфной рубки. Пасмурно и свежо. Большой обед с генералами. Веч[ером] сидели у Мама́ в рубке. С Н[иколаем] П[авловичем] и Родионовым до 11 1/2. Папа́ в кости. Дождь и холодно, но луна.

¹ Известное произведение английской писательницы Charlotte M. Yonge (1853). Русский перевод: *Янг Ш. М. Наследник имения Редклиф: в 2 т. / пер. с англ. Е. Сысоевой. СПб., 1870.*

Суббота. 29 марта

С Мама́ сидела и читала. В 11 ч. мы 2 с Папа́ поехали на закладку дока. Солнце и тепло. Большой завтрак. Обед обыкновенный. Днем снимала на палубе на солнце. Мама́ на шканцах лежала. Ничего особенного. Всенощная внизу. Очень хорошо и уютно с вербами. Веч[ером] на палуб[е] была с Родионов[ым] и Таубе и с Мама́ и Н[иколаем] П[авловичем] в рубке. Ветра нет. 7 гр. Папа́ в кости. Спать пошли в 12 ч.

Ливадия. Воскресенье. 30 марта. Гулыга

В 10 ч. была обедня. Потом обыкновенный завтрак. В 12 1/2 снялись с бочки и пошли в море. Подняли штандарт. Эскадра салютовала. «Когул»¹, «Алмаз»² и 4 миноносца пришли с нами. Отличный переход. Ярко-голубое море. Ветер, на солнце тепло, а в тени холодно. Мама́ лежала на левом борту на шканцах. Папа́ сидел с ней, Т[атьяна] и я и Н[иколай] П[авлович] и так. После 4 ч. подъехали к молу. Много народу. Чай и обед с Папа́ и Мама́. Грустно не быть на яхте. С Н[иколаем] П[авловичем] по телефону говорила.

Спать после 10 ч. 7 гр. Мама́ ничего, Слава Богу. Усердно раскладываемся. Видели всех казаков.

¹ Крейсер «Кагул» (типа «Богатырь»), до 1907 г. и после 31 марта 1917 г. — «Очаков». В 1920 г. участвовал в эвакуации армии генерала Врангеля из Крыма, интернирован французскими властями. В 1933 г. был разобран на металл.

² «Алмаз», крейсер II ранга, спущен на воду в 1903 г., участвовал в Цусимской сражении (1905), в 1920 г. в составе Русской эскадры ушел в Стамбул, интернирован французскими властями. В 1934 г. был разобран на металл.

Понедельник. 31 марта

Обедня была в 11 ½, всенощная в 7. Утром сидели у Мама́ на балконе и грелись на солнце. К завтраку были Бабицын¹, Родионов, Злебов и Щепотьев². В 3 ч. мы 2 с Папа́ и Мама́ поехали в Кичкине³. Сидели у Татианы⁴ на балконе, она на кушетке и ожидает ребенка. Д[ядя] Митя⁵ пришел позже, потом Теймураз⁶ и муж. Мама́ устала, т. к. поднимались по трапу и маленький водил ее по дому. Чай и обед с Папа́ и Мама́. Приехал фельдъегерь, и Папа́ читает. После 10 ч. спать. 8 гр. ½, звезды.

¹ Бабицын Лев Андреевич (1884–1914), старший лейтенант Гвардейского экипажа (1914), минный офицер. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Умер на фронте от менингита.

² Щепотьев Сергей Александрович (1880 — до 1949), капитан 2-го ранга (1916), инженер-механик, в 1908–1917 гг. служил на императорской яхте «Штандарт». Участник Гражданской войны; в эмиграции.

³ Крымское имение Кичкине. Приобретено великим князем Дмитрием Константиновичем в 1912 г. Дворец в восточном стиле построили братья Николай, Василий и Александр Тарасовы, сад и дом были окончены в конце 1914 г. с помощью архитектора Л. Н. Шаповалова и скульптора Л. В. Коржиновского. В настоящее время используется как гостиница.

⁴ Татьяна (Татиана) Константиновна (1890–1979), княжна императорской крови, старшая дочь великого князя Константина Константиновича, замужем (с 1911) за князем К. А. Багратионом-Мухранским. Имея слабое

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление. <i>Куликовский П. Э.</i>	5
Предисловие. <i>Жуньевы-Черникина К., Малышева А. П.</i> ...	8
Дневники. 1914.....	90
Из переписки великой княжны Ольги Николаевны. 1914	279
Библиография	292
Указатель имен	295